

Рассматривая рецепты признанного врачевателя экономик, я испытывал ощущение, что предложенные лекарства непременно вылечили бы больных, если после их приема пациенты останутся живы. Можно согласиться с общей авторской посылкой о том, что при проведении реформ не следует копировать социально-экономические структуры «процветающих, благоденствующих стран Запада». Представляется очень важной и постоянно упускаемая отечественными реформаторами идея о том, что для анализа проблем необходимо обращаться не к современной западной ситуации, а к «такой же стадии, как страны Восточной Европы сейчас». Сомнения же относительно четырех шагов к свободе связаны как раз с неясностью: в какой мере эти рекомендации соответствуют общим послылкам автора.

Проблематичной выполнимость предписываемых шагов делают именно различия, с одной стороны, между условиями, существовавшими в Европе, в течение веков шаг за шагом возвращавшей рыночные отношения и отвоёвывавшей гражданские и политические свободы, и нашим желанием¹ за несколько лет прорваться к экономической, гражданской, личной и политической свободе в качественно иной ситуации — с другой. Представляется, что М. Фридман принимает за аксиому то, что введение частной собственности автоматически влечет за собой формирование всего комплекса мотиваций, характерных для конкурентного частного капитализма, что для этого необходимо лишь «радикальное сокращение сферы деятельности и роли государства». Однако эта аксиома требует специального рассмотрения.

Действительно, цивилизационные процессы на Западе во многом разворачивались вокруг проблем свобод и собственности. Все новые и новые социальные слои, освобождаясь от пут жестких социальных норм и предписаний, расширяя свои общественные горизонты, принимали в качестве важнейших ценностей свободу и собственность. С этими ценностями были связаны многие этические нормы, модели социального поведения, отступления от которых карались довольно сурово. М. Вебер в науке и О. Бальзак в литературе сделали достаточно, чтобы раскрыть этот круг проблем.

История распорядилась так, что идеи свободы и собственности не очень укоренились у нас. Сегодня в СССР эти ценности признаются скорее идеологически, вербально и не всегда подкрепляются рационализирован-

¹ Здесь я имею в виду СССР и ничего не говорю о Восточной Европе

ным последовательным действием. На словах мы уже согласны со Штольцем, но на практике в массе действуют либо Обломов, либо Остап Бендер.

В таких условиях необходим период (совершенно не ясна его продолжительность), когда в активную экономическую деятельность по новым правилам рыночной экономики будет вовлекаться не только та — к сожалению, довольно ограниченная — часть населения, которая долгие годы ждала возможности реализовать свою предпринимательскую энергию и таланты, но и слои, занимающие сегодня выжидательную позицию. Ключевая проблема при этом состоит, по-моему, в необходимости как-то продержаться, дожидаться «прилива» новой волны экономической активности, поддержки насущных реформ со стороны более широких социальных сил. Нужно отдавать себе отчет, что *большинство населения страны сегодня вовсе не составляют сторонники экономического активизма*. Радующие многие опросы общественного мнения, подтверждающие всеобщую приверженность переходу к рынку, являются скорее результатом аффектации, радужных надежд на чудесное избавление, которые быстро сменяются другим настроением. Реакция масс на попытки провести непопулярные меры показывает возможные сценарии. Для проведения реформ в такой ситуации нужна *сила, которая могла бы противостоять эмоциям, обеспечивать гарантии против напора традиционалистских и люмпенизированных слоев*, которые грозят смести относительно малочисленных приверженцев личной и экономической свободы. М. Фридман справедливо указывает, что государство должно обеспечить защиту частной собственности, «надзор за исполнением частных контрактов» и т. д. Не вполне ясно, отдает ли автор отчет в том, что для этого в наших условиях необходим радикальный поворот всей государственной машины, ее противопоставление позициям большинства для защиты того меньшинства, деятельность которого только и способна «вытащить в гору» весь «поезд» нашей экономики. Если такой поворот назвать «ограничением деятельности государства», то не понятно, что же тогда расширение.

Сегодня в потенциальное противостояние вовлечены гигантские массы людей, накаленные длительными экономическими бедствиями и неразберихой в социальных ориентациях «верхов». Его исход трудно предсказать.

Если принять тезис о новой роли государства, которое только и сможет служить гарантом устойчивости социальной системы, необходимой для постепенного вовлечения большого числа людей в экономическую жизнь, то требуется «переменить весь взгляд» на существо преобразований в сфере собственности. Во-первых, надо, чтобы социальные силы, наполняющие сегодня «кровеносные сосуды» государства, оказались в полном смысле жизненно заинтересованы в защите собственности от всяких на нее покушений. Во-вторых, для экономического подъема необходимо, чтобы распоряжение собственностью попало в руки квалифицированных и энергичных людей. Допустим, что энергию им придаст надежда на получение своей доли собственности, но где взять квалифицированных собственников, способных распоряжаться крупными предприятиями, составляющими (быть может, к сожалению) хребет отечественной экономики. При ответе на эти вопросы наш взгляд обращается к значительной части сегодняшних распорядителей государственной собственностью — руководителям предприятий, объединений, ведущим сотрудникам министерств и ведомств. Они на деле начали протягивать руки к распоряжению и овладению собственностью. Сегодня эта тенденция вызывает протест многих политических лидеров, выдвигающих проекты «справедливого» или «демократического» распределения собственности, и рассматривается ими как угроза реформам. Здесь есть две проблемы. Первая чисто экономическая. Не приведут ли предлагаемые «демократические» реформы собственности к возможно временному, но падению эффективности производства. В таком

случае лед треснет обязательно, и весь ход реформ будет похоронен под его обломками в ледяной воде массового негодования.

Но есть и социально-политическая сторона. Спор относительно путей перераспределения собственности ведется между сторонниками ориентации на рынок (отрицание этого означает, что «своя своих не спознаша»). Складывается противостояние, где действуют сильные материальные интересы, с одной стороны, и идеалы и политическое влияние — с другой. Кто кого пересилит — не ясно, но ясно то, что противостояние тормозит перемены, что на него уходит время, отпущенное (отпущенное ли?) на проведение реформ. Логика современного расклада сил такова, что для удержания хотя бы малого плацдарма рыночных отношений необходимо сплочение всех их потенциальных союзников.

Сказанное означает, что в нашем реальном раскладе четыре шага приходится делать по очень тонкому льду. При этом нельзя ломать барьеры, перегораживающие дорогу. Придется дорого заплатить сторожам, чтобы они повернули барьеры и превратили их в поручни. Видимо, *придется отдать значительную часть общенародной собственности ее сегодняшним распорядителям, чтобы «купить» их поддержку рыночных реформ.* Это все равно обойдется дешевле, чем разгром всех сил, для которых дороги ценности личности и свободы, под напором ответной волны тех, кому спокойствие и порядок дороже личностного достоинства, энергии и самоуважения. Нужно помнить, что цена становится выше с каждым днем. Лед, по которому еще можно перебежать, все время тает.